

БЛЕСК И НИЩЕТА АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО КРИЗИСА: О МИФОЛОГИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Антон Олегович Захаров

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия

Zakharov_anton@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-3654-9551>

Аннотация. В русскоязычной гуманитарной, включая философию, научной среде очень популярно понятие антропологического кризиса, выражение которого её представители находят практически во всех сферах жизни, в том числе медицине, образовании, самосознании. Особым проявлением такого кризиса считается изменение биологической природы человека, возможность которого открывают современная генная инженерия и медицина. Однако анализ конкретных рассуждений (дискурса) об антропологическом кризисе выявляет их несостоятельность. В англоязычной традиции кризис антропологии означает кризис соответствующей научной дисциплины. Под антропологическим кризисом в русскоязычной среде скрывается обычное экзистенциальное переживание, поиски смысла жизни, страх перед техническим прогрессом, то есть либо универсальные психологические явления, либо нежелание признать собственную отсталость и триумф машинной цивилизации. Киборгизация, которую представляют угрозой человеческой природе, в действительности только совершенствует её. Переход в «Матрицу» давно идёт и представляется крайне желанным для большинства людей, недаром придумано столько способов обхода заблокированных Интернет-ресурсов. Научное познание не имеет альтернативы в качестве единственного разумного, материалистического и достоверного способа объяснения действительности, ибо именно наука обеспечивает технический и социальный прогресс. Машинный перевод сегодня вытесняет классические многолетние программы подготовки специалистов. Объём и скорость распространения информации не угрожают человеку, поскольку, во-первых, нет необходимости в овладении всей информацией, во-вторых, существуют фильтры, в том числе сетевые, которые отсеивают данные, не интересные конкретному пользователю. Разговоры об антропологическом кризисе представляют собой разновидность научного мифа, ярлыка для сокрытия вполне прогрессивных явлений научно-технического и социального развития человечества.

Ключевые слова: мифология, наука, антропологический кризис, современность, российская философия, индустриальное общество, техногенная цивилизация

Для цитирования: Захаров А.О. Блеск и нищета антропологического кризиса: о мифологии современной российской философии // Концепт: философия, религия, культура. — 2022. — Т. 6, № 4. — С. 7–14. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-4-24-7-14>

Philosophical essay

SPLENDOR AND MISERY OF THE ANTHROPOLOGICAL CRISIS: A MYTH OF CONTEMPORARY RUSSIAN PHILOSOPHY

Anton O. Zakharov

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
 Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
Zakharov_anton@mail.ru <https://orcid.org/0000-0002-3654-9551>

Abstract. The concept of anthropological crisis is very popular in contemporary Russian humanities: the Russian Scientific Electronic Library, or Elibrary.ru, includes more than ten thousand publications with the keyword anthropological crisis. On the contrary, Google gives links to Russian publications only when one searches for anthropological crisis. This keyword has no reference in the famous online book catalogue Worldcat.org. Nowadays English-speaking scientific communities still explore the crisis in anthropology as a discipline. The difference between the anthropological crisis and the crisis in anthropology seems essential. The crisis of a scientific discipline is not a crisis of the human nature. The modern Russian academicians, including the late Vyacheslav Stepin, find many features of the anthropological crisis in the successes of genetic engineering and modern medicine as well as in the growing psychological pressures. Russian-language scholars find the traits of anthropological crisis in many fields, including studies of memory, bioethics, pedagogics, literature, and economics. The loss of the sense of life is often treated by Russian scholars, like Stepin and Boris Pruzhinin, as a trait of the anthropological crisis. The problems of self-identity are also marked by Russian authors as a mark of that crisis. Sergey Averintsev felt that human beings lack their human nature. Pruzhinin supposes humans cannot predict consequences of genetic engineering for their nature as a species. But all these trends have nothing in common with the anthropological crisis. Genetic engineering helps improving of sick human nature and self-realization. Certainly, all consequences are not open but there is no scientific discovery whose effects would be absolutely evident at once. Cyborgs are an inevitable step towards healthier and smarter humans. Existential problems are universal since the emergence of self-consciousness among the humans. Self-identities are in constant flux since the birth of complex societies, especially since the industrial revolution strengthened alienation. The growth and volume of information flows are not threats to humans as there is no necessity to memorize all the data in the world, and there are multiple network and personal filters which block garbage. The anthropological crisis seems a myth in contemporary Russian-language humanities in general and philosophy in particular.

Keywords: mythology, science, anthropological crisis, contemporaneity, Russian philosophy, industrial society, technocratic civilization

For citation: Zakharov, A. O. (2022) 'Splendor and Misery of the Anthropological Crisis: A Myth of Contemporary Russian Philosophy', *Concept: Philosophy, Religion, Culture*, 6(4), pp. 7–14. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2022-4-24-7-14>

В третьем номере «Вопросов философии» за 2022 г. ведущие учёные России и Белоруссии вновь обратились к проблематике антропологического кризиса [Колядко, 2022; Пружинин, 2022; Сабанчеев, 2022; Терёхин, 2022], столь популярного в русскоязычной научной среде: по запросу «антропологический кризис» в РИНЦ на 07.04.2022 зафиксировано 10 435 публикаций. «Антропологический кризис» фигурирует в названиях диссертаций¹. Между тем поисковый запрос “anthropological crisis” в Google даёт ссылки исключительно на аннотации русскоязычных статей. Ничего не знает о данном кризисе и крупнейший библиотечный каталог мира Worldcat.org. Тем самым можно предположить, что антропологический кризис представляет собой прежде всего (а, возможно, исключительно) российское явление, разновидность научного мифа, удобного ярлыка для рассуждений на любые темы — от памяти [Сабанчеев, 2022] и биоэтики [Камалиева, 2018] до педагогики [Рыбаков, Степанов, 2021], литературы [Крохина, 2020] и экономики [Ломако, 2019].

Академик В.С. Степин отнёс к проявлениям антропологического кризиса «опасности изменения генофонда человечества», «возрастающее давление на человека стрессовых нагрузок» и «современные тенденции к переконструированию биологической основы человека» [Степин, 2011: 95–96]. Но можно ли считать все эти явления признаками кризиса? И что это за кризис? Перелом, переворот в при-

роде человека? А нужно ли так трястись над биологически очень несовершенным существом, подверженным бесконечным болезням и панике, столь явным в эпоху пандемии COVID-19 [Соколова, 2021]? Изменение генофонда происходило на протяжении тысячелетий и представляет собой естественный процесс, хотя современная генная инженерия способна радикально изменить саму природу человека в ближайшем будущем — как современная медицина радикально изменила демографическую структуру общества, почти избавив человечество от детской смертности и множества эпидемий. Опасения В.С. Степина касательно «постчеловека» понятны, однако если рассмотреть поведение современных людей, то выяснится, что переход к машинному типу существования, переход в «Матрицу», используя удобный образ одноименного фильма, уже фактически происходит: достаточно вспомнить привязанность людей к смартфонам, виртуальным сетям и многочисленным голосовым помощникам вроде «окей, Гугл» и Алисы. Люди уже по существу большую часть времени проводят в «машине» (и я набираю эти строки тоже отнюдь не на бумаге). Технологичная цивилизация, которая привела к якобы антропологическому кризису, в действительности обеспечила человеку небывалый доступ к информации, фантастические возможности машинного перевода, невиданный доселе уровень комфорта и безопасности в целом.

Опасения главного редактора «Вопросов философии» Б.И. Пружинина [Пружи-

¹ Шляпникова М.Н. Экологическое сознание в условиях антропологического кризиса: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11. — Волгоград, 1997. — 116 с.; Сильнова Е.И. Философия образования: Поиски выхода из антропологического кризиса: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11. — Саратов, 2002. — 185 с.; Прохоник О.А. Культурно-антропологический кризис и новые задачи образования в эпоху постсовременности: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.13. — Ростов-на-Дону, 2006. — 107 с.

нин, 2022: 86], следующего С.С. Аверинцеву, об угрозе «человеческому в человеке» и о неспособности общества и индивида ответить на вопрос о возможных последствиях изменения видовой природы человека под влиянием генной инженерии не столь обоснованы, как может показаться на первый взгляд. Во-первых, человек сейчас слит с машинами при помощи орудий-посредников — смартфонов, компьютеров, наушников, очков 3D. Следующий этап — киборгизация, то есть помещение части этих инструментов внутрь, например, в виде чипов. Биологический автор этих строк уже давно живёт с искусственными хрусталиками и сухожилием в руке, и нет сомнений, что имейся возможность внедрить программы со знанием множества языков, их приветствовали бы многие — хотя бы потому, что сие избавит их от необходимости запоминать уйму слов и оборотов чужой речи, а также письменных знаков. За киборгизацией возможно последует полное превращение человека в машину. И это не кризис, а выход за пределы ограниченной телесной формы, которая хочет есть, спать и отдыхать гораздо больше, чем имеется ресурсов. Понятно, что многие люди настроены консервативно, и подобные рассуждения их пугают. Однако альтернативы киборгизации попросту нет: те, кто пойдёт на совершенствование, то есть радикальную трансформацию своей биологической природы, получают колоссальные преимущества: за счёт лучшего зрения, выносливости, памяти, знаний... Это можно сравнить с успехами колясочников в беге, когда они обгоняют обычных бегунов: колесо быстрее ног, и это объективный факт. Сторонники сохранения традиционного биологического вида и генофонда человечества просто проиграют конкуренцию людям-машинам.

Все достижения генной инженерии, равно как и в целом развитие техногенной цивилизации, представляют собой результат научных исследований. В этом смысле наука остаётся главной производительной силой общества по меньшей мере с начала

научно-технической революции. Поэтому рассуждения о кризисе научной рациональности, отказ от признания научного знания доминантным и основополагающим средством рационального познания мира оказываются не более чем попыткой запутать читателей. Никакой серьёзной альтернативы у научного познания попросту нет, ведь только оно обеспечивает восьмимиллиардное население планеты Земля современными продуктами питания, средствами коммуникаций, лекарствами и знанием о действительных процессах на нашей планете и за её пределами. Призыв отказаться от науки в пользу любой иной картины мира, в первую очередь религиозной, по сути означает лозунг возврата в пещеры.

Психологические проблемы самоидентификации в постоянно меняющемся мире никак не означают некоего особого кризиса: экзистенциальные проблемы волновали людей на протяжении всей истории, на что указывают как поиски бессмертия Гильгамешем, так и «быть или не быть» Шекспира, «тварь я дрожащая или право имею» Достоевского и философия Сартра и Камю. Возросшая скорость изменений общества обычно трактуется как усложнение приспособления к нему, но едва ли это верно: в условиях почти полного исчезновения биологических факторов естественного отбора люди стали воспринимать болезненно самые незначительные изменения своего состояния; отсюда все разговоры об оскорблении чувств и растущая нетерпимость к любым иным мнениям — ибо они нарушают зону комфорта — главную ценность современного общества.

Растущие объём и скорость информационных потоков, будучи объективным фактором, вовсе не означают антропологический кризис [Бороноева, 2013; Желнин, 2015; Эриксен, 2003]. Способы эффективно управлять информационными потоками сегодня хорошо известны. К ним относятся настройки интерфейсов популярных Интернет-ресурсов, в частности Ютуба и ныне запрещенного в России Фейсбука²,

² Запрещённая организация на территории Российской Федерации.

позволяющие получать лишь нужную и/или интересную информацию; международные и российские базы данных научной периодики — Web of Science, Scopus, РИНЦ, которые дают возможность искать требуемые сведения по ключевым словам. Едва ли можно увидеть в скорости информации угрозу человеческой природе, особенно если считать её творческую преобразовательную деятельность (да и игровая природа человека, замеченная Й. Хёйзингой, от разнообразия игр только выигрывает). Возражения наподобие неспособности овладеть современным объёмом информации несостоятельны уже в силу того, что всем объёмом информации конкретной эпохи никогда не владел ни один человек с начала общественного разделения труда; тем более это верно для современного индустриального общества. Для обработки больших данных используются (супер) компьютеры. Так что антропологический кризис из-за информации не более чем миф.

Таким же мифотворчеством от науки выглядит попытка связать антропологический кризис с «производством рисков» в постулированном Ульрихом Беком «обществе рисков» и свести его (кризис) к «разорванности бытия» [Ломако, 2019, 72; Бек, 2015; 2016]. Во-первых, бытие по своему определению не может быть разорванным: бытие есть то, что есть. Во-вторых, риски в экономике существовали во все времена, достаточно вспомнить об угрозе голода в первобытном и аграрном обществах или о кризисах перепроизводства в капитализме XIX в. Выделять производство рисков в особую ступень общественного развития после индустриальной и постиндустриальной (в действительности той же индустриальной, при которой промышленными становятся все три сектора производства, включая и сельское хозяйство, и сферу услуг) попросту бессмысленно, так как оно

осуществляется с нарушением правила единого критерия для любой классификации.

Представление о том, что антропологический кризис «отражается в потере человеком смысла жизни, ощущения гармонии с природой, нечёткостью представлений о своём месте в обществе, в мире и универсуме в целом» [Звонок, 2021: 6; Король, 2021; Сугрובה, Карпова, Дорофей, 2020] столь же надуманно. Об утрате смысла жизни говорили ещё Экклезиаст и древние философы Греции и Китая. Нечёткость представлений о своём месте в обществе, в мире и во Вселенной свойственна, по-видимому, абсолютному большинству людей: разве знание о бесконечности мироздания мешает отдельному индивиду считать себя его центром, особенно если в руках оно сосредоточена необъятная власть? Разве крестьяне осознавали себя частью класса «крестьянство»? Разве объективное положение пролетариата, сегодня скрываемое под наименованием «прекариат», меняется из-за того, что отдельные пролетарии считают себя представителями среднего класса? Если нечёткость представлений о собственном месте в мире и утрата смысла жизни суть признаки антропологического кризиса, то люди живут в нём практически постоянно, и тем самым мы ничего не узнаём о специфике данного явления, более того, оно оказывается банальным незнанием и бестолковостью — коль скоро человек не может найти себе осмысленное занятие.

Рассуждения о кризисе культуры вообще³ и раскрытие антропологического кризиса как отставания духовно-нравственного развития человечества от научно-технического прогресса⁴, отмеченное ещё писателями-фантастами, в частности Станиславом Лемом в «Гласе Господа», строятся на чересчур размытых и недостаточно конкретных основаниях. В первую очередь не ясно, что считается критерием

³ Обзор концепций см.: Алексина Т.А. Антропологический кризис и экологическая этика: Учебное пособие. — Москва: Российский университет дружбы народов, 2011. — 64 с., а также в ряде других работ [Сугрובה, Карпова, Дорофей, 2020].

⁴ Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы: Учеб. пособие для студентов экон. направлений и специальностей. — Москва: Логос, 2000. — 302 с.

духовно-нравственного развития. Высокая нравственность хороша как понятие, но что ею обозначать на практике? Воздержание от преступных действий вследствие страха и/или по убеждению? Сохранение жизни каждому индивиду сегодня считается высшей ценностью, между тем только современная медицина обеспечивает выполнение этой нормы — в отличие от прежних столетий ужасающе высокой детской и женской смертности. Однако в бездуховности принято упрекать именно современную цивилизацию. На деле она — наиболее гуманна и духовна из всех существовавших в человеческой истории. Для подобного заключения имеются и иные основания. Например, информация сегодня доступна гораздо большему числу людей — в отли-

чие от периодов, когда доступ к ней резко ранжировался социально. Свобода совести позволяет сосуществовать самым разным мировоззренческим установкам — в отличие от неравноправия негосударственных религий в традиционных обществах, да и в современных государствах, где имеется официальное вероисповедание.

Таким образом, антропологический кризис представляется вымышленным, надуманным понятием, не схватывающим ключевые черты современности, а запутывающим её понимание. Наука, как и любые другие сферы жизни, не свободна от мифотворчества, и антропологический кризис — один из мифов русскоязычного гуманитарного дискурса.

Список литературы:

- Бороноева Н.А. Антропологический кризис в контексте глобализации // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2013. — № 5. — С. 202–207.
- Желнин А.И. Информационное измерение антропологического кризиса цивилизации // Информационное общество. — 2015. — № 6. — С. 35–41.
- Звонок А.А. Современная наука и образование: антропологический кризис // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия 1. Педагогические науки. Образование. — 2021. — Т. 64, № 2. — С. 5–9.
- Камалиева И. Р. Антропологический кризис в современной медицине // Философия и культура. — 2018. — Т. 5, № 5. — С. 65–70.
- Колядко И.Н. Антропологический кризис техногенной цивилизации: параметры и перспективы преодоления // Вопросы философии. — 2022. — № 3. — С. 76–80. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-3-76-80>
- Король А.Д. Антропологический кризис в социальных реалиях XXI столетия // Философские науки. — 2021. — Т. 64, № 5. — С. 45–56. <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2021-64-5-45-56>
- Крохина Н.П. Антропологический кризис в рецепции Отечественной литературы конца XX века // Ноосферные исследования. — 2020. — № 2. — С. 78–83. <https://doi.org/10.46724/NOOS.2020.2.78-83>
- Ломако О.М. Антропологический кризис в обществе риска: философский анализ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. — 2019. — Т. 23, № 1. — С. 66–73. <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2019-23-1-66-73>
- Пружинин Б.И. Антропологический кризис как тема философии // Вопросы философии. — 2022. — № 3. — С. 86–92. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-3-86-92>
- Рыбаков С., Степанов И.И. Постмодернизм в педагогике как отражение фундаментального антропологического кризиса // Духовно-нравственное воспитание. — 2021. — № 4. — С. 3–8.
- Сабанчиев Р.Ю. Феномен памяти в эпоху кризиса техногенной цивилизации // Вопросы философии. — 2022. — № 3. — С. 71–75. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-3-71-75>
- Соколова С.Н. Антропологический кризис: безопасность человека и общества в период пандемии // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. — 2021. — № 1. — С. 74–80.

- Степин В.С. Цивилизация и культура. — Санкт-Петербург: СПбГУП, 2011. — 407 с.
- Сугрובה Ю.Ю., Карпова И.Д., Дорофей Ю.О. Параметры антропологического кризиса и современного глобального поколения // Человек и культура. — 2020. — № 6. — С. 22–34. <https://doi.org/10.25136/2409-8744.2020.6.34308>
- Терехин Е.Л. Поиск новых типов научной рациональности в условиях антропологического кризиса: релятивистский подход // Вопросы философии. — 2022. — № 3. — С. 81–85. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-3-81-85>
- Эриксен Т.Х. Тирания момента: Время в эпоху информации. — Москва: Весь мир, 2003. — 204 с.
- Beck U. *Weltrisikogesellschaft: auf der Suche nach der verlorenen Sicherheit*. — Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2015. — 439 p.
- Beck U. *Risikogesellschaft: Auf dem Weg in eine andere Moderne*. — Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2016. — 396 p.

References:

- Beck, U. (2015) *Weltrisikogesellschaft: auf der Suche nach der verlorenen Sicherheit*. Frankfurt am Main: Suhrkamp (Edition zweite Moderne).
- Beck, U. (2016) *Risikogesellschaft: Auf dem Weg in eine andere Moderne*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag.
- Boronoeva, N. A. (2013) 'Anthropologicheskiiy krizis v kontekste globalizatsii [Anthropological crisis in the context of globalization]', *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, (5), pp. 202–207. (In Russian).
- Eriksen, T. H. (2001) *Øyeblikkets tyranni*. Oslo: Aschehou. (Russ. ed.: (2003) *Tiraniya momenta: Vremya v epokhu informatsii*. Moscow: Ves' mir Publ.).
- Kamalieva, I. R. (2018) 'Anthropological crisis in modern medicine', *Philosophy and Culture*, 5(5), pp. 65–70. (In Russian). <https://doi.org/10.7256/2454-0757.2018.5.26164>
- Kolyadko, I. N. (2022) 'Anthropological Crisis of Technogenic Civilization: Parameters and Perspectives of Overcome', *Voprosy Filosofii*, pp. 76–80. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-3-76-80>
- Korol, A. D. (2021) 'Anthropological Crisis in the Social Realities of the 21st Century', *Russian Journal of Philosophical Sciences*, 64(5), pp. 45–56. (In Russian). <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2021-64-5-45-56>
- Krokhina, N. P. (2020) 'Anthropological Crisis in the Reception of Russian Literature of the Late Twentieth Century', *Noosfernye issledovaniâ*, (2), pp. 78–83. (In Russian). <https://doi.org/10.46724/NOOS.2020.2.78-83>
- Lomako, O. M. (2019) 'Anthropological Crisis in The Risk Society: Philosophical Analysis', *RUDN Journal of Philosophy*, 23(1), pp. 66–73. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2302-2019-23-1-66-73>
- Pruzhinin, B. I. (2022) 'Anthropological Crisis as a Theme of Philosophy', *Voprosy Filosofii*, pp. 86–92. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-3-86-92>
- Rybakov, S. and Stepanov, I. I. (2021) 'Postmodernism in Pedagogy as a Reflection of the Fundamental Anthropological Crisis', *Duhovno-nravstvennoe vospitanie*, (4), pp. 3–8. (In Russian).
- Sabancheev, R. Y. (2022) 'The Phenomenon of Memory in the Era of the Crisis of Technogenic Civilization', *Voprosy Filosofii*, pp. 71–75. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-3-71-75>
- Sokolova, S. N. (2021) 'The Anthropological Crisis: Human Security and Society During the Pandemic', *Vestnik Polesskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriâ obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk*, (1), pp. 74–80. (In Russian).
- Stepin, V. S. (2011) *Tsivilizatsiya i kul'tura [Civilization and Culture]*. Saint Petersburg: SPbGUP Publ. (In Russian).
- Sugrobova, Y. Y., Karpova, I. D. and Dorofei, Y. O. (2020) 'The parameters of anthropological crisis and modern global generation', *Man and Culture*, (6), pp. 22–34. (In Russian). <https://doi.org/10.25136/2409-8744.2020.6.34308>
- Terekhin, E. L. (2022) 'Search for New Types of Scientific Rationality in an Anthropological Crisis: a Relativistic Approach', *Voprosy Filosofii*, pp. 81–86. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-3-81-85>

Zhelnin, A. I. (2015) 'Information Dimension of Anthropologic Crisis of Civilization (to the Information Impact on a Person, Human Psychology and Biology)', *Informacionnoe obščestvo*, (6), pp. 35–41. (In Russian).

Zvonok, A. A. (2021) 'Modern Science and Education: Anthropological Crisis', *Vestnik Luganskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Ser. 1: Pegagogicheskie nauki. Ovrazovanie*, 64(2), pp. 5–9. (In Russian).

Информация об авторе

Антон Олегович Захаров — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12; профессор общеуниверситетской кафедры «Философия и гуманитарные науки», Московский государственный психолого-педагогический университет, 127051, Москва, ул. Сретенка, д. 29. (Россия)

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Anton O. Zakharov — Doctor of History, Leading Research Fellow (Southeast Asia, Australia and Pacific), Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 12, Rozhdestvenka str., Moscow, Russia, 107031; Professor at the Universitywide Department of Philosophy and the Humanities, Moscow State University of Psychology & Education, 29, Sretenka str., Moscow, Russia, 127051 (Russia)

Conflicts of interest. The author declares absence of conflicts of interest.

Статья поступила в редакцию 25.10.2022; одобрена после рецензирования 21.11.2022; принята к публикации 28.11.2022.

The article was submitted 25.10.2022; approved after reviewing 21.11.2022; accepted for publication 28.11.2022.